

Зайцева Ирина Павловна

УО "Витебский государственный университет имени П. М. Машерова"

e-mail: irinazaj91@mail.ru

УДК 398 (=161): 82-1: 581. 527

МАГИЯ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ: ЕЩЁ РАЗ ОБ ОСМЫСЛЕНИИ ПОЭТАМИ ФЛОРИСТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ

Irina P. Zaitseva

Vitebsk State University named after P. M. Masherov

THE MAGIC OF EAST SLAVIAN MYTHOLOGY: ONCE AGAIN ABOUT THE CONCEPTION OF FLORISTIC IMAGES BY POETS

В статье анализируется лирический цикл классика украинской литературы М. Бажана "Розмай-зілля" его и перевод на русский язык Э. Багрицкого "Разрыв-трава", в которых в качестве ключевых компонентом функционируют номинации волшебных растений у восточных славян. Анализ подтверждает, что при переводе словесно-художественного произведения приоритетным для переводчика является сохранение цельности того впечатления, которое заложено в факт словесного искусства автором, что может достигаться различными способами.

The article analyzes the lyrical cycle of the classic of Ukrainian literature M. Bazhan "Rosemay-zilla" and his translation into Russian by E. Bagrytsky "Rip-grass", in which the nominations of magical plants among the Eastern Slavs function as key components. The analysis confirms that when translating a literary work, the priority for the translator is to preserve the integrity of the impression that is embedded in the fact of the verbal art by the author, which can be achieved in various ways.

Ключевые слова: мифопоэтическая система, восточнославянская мифология, волшебные травы, символика, лирический текст, концептуально-эстетическое своеобразие, синкретичный троп

Key words: mythopoetic system, East Slavic mythology, magic herbs, symbolism, lyrical text, conceptual and aesthetic originality, syncretic trope

В мифологии восточных славян, как и в иных мифопоэтических системах, растения занимают весьма существенное место: они являются объектами множества мифологических интерпретаций и символизаций, выступают в роли атрибутов многих обрядов и ритуалов и т. п. В зависимости от закрепившихся за ними признаков и оценок растения делятся "на чистые, божественные, святые (берёза, вяз, дуб, клён, липа, ясень, барвинок, овёс, гречка и др.) и нечистые, дьявольские (осина, бузина, табак, сорняки); добрые (дуб, бук, липа, берёза) и злые (ясень, верба, ольха); пахучие (базилик, мята, медуница) и зло-

вонные (валериана, полынь); колючие (репейник, терновник, боярышник, ежевика); вечно-зелёные (сосна, ель, барвинок); растения-обереги (чеснок, полынь, крапива, можжевельник); целебные (шиповник, лопух, ромашка, верба); ядовитые (белена, полынь); **мифические** (разрыв-трава, блудный корень, плакун-трава); **приносящие счастье** (кизил, ромашка) или **несчастье** (плющ, гортензия) и т. д. " (выделено мною. – И. З.) [9, с. 407]. В этой многогранной и весьма разветвлённой системе особое место занимают *волшебные травы* – группа травянистых растений (с точки зрения биологии, они представляют собой одну из жизненных форм высших растений), объединяющая травы, *наделённые чудесными свойствами*. В группе же волшебных трав одно из приоритетных мест (если не ведущее) принадлежит растению, чаще всего обозначаемому номинацией **разрыв-трава**, однако при этом имеющему целый ряд синонимичных названий. Так, в этнолингвистическом словаре "Славянские древности", где отмечено, что поверья об этом растении известны **всем** славянам, находим: "**Разрыв-трава** (рус. *разрыв-трава, спрыг-трава, скакун-трава, трава прыгун, трава огонь*, укр. *закарпат. клин-трава* ...) – мифическое растение, с помощью которого можно отмыкать замки и находить клады" [3, с. 396]. Более детально *разрыв-трава* характеризуется в ряде специальных мифологических словарей, где особый акцент закономерно делается на характеристике символики этого растения, которая у разных представителей славянства может, во-первых, не совпадать, во-вторых – довольно тесно, а в ряде случаев – и весьма причудливо, пересекаться с иными мифопоэтическими воззрениями. Так, например, во многих описаниях разрыв-травы упоминается о сходстве её свойств с ещё одним наделённым чудесными свойствами растением – папоротником; ср. в частности: "*Разрыв-трава* (спрыг-трава) – в русских и украинских поверьях чудесное средство, разрушающее всевозможные запоры и узлы, помогающее преодолевать лютые препятствия, позволяющее овладевать кладами. **Предания о Разрыв-траве перекликаются с легендами о цветке папоротника, распускающемся в ночь на Ивана Купалу**" [7, с. 162]; "**Разрыв-трава** – чудесная трава, обеспечивающая преодоление преград, запоров и уз. Трава с подобными свойствами известна под другими названиями: плакун-трава, прыгун, скакун-трава. **Мифологизированное предание о Разрыв-траве сходно с преданиями о цветке папоротника**" (в обоих случаях выделено мною. – И. З.) [10, с. 275].

Безусловно, номинация "разрыв-трава", будучи обозначением с богатым и разноплановым семантико-ассоциативным содержанием, не могла остаться незамеченной художниками слова: она фигурирует во многих литературных произведениях различной родо-литературной и жанровой принадлежности. В одной из наших работ [6] анализируется функционирование этого обозначения в лирических произведениях русских поэтов XX столетия, традиции лингвоэстетического освоения которого были заложены, в основном, представителями серебряного века (М. Волошин, М. Цветаева и другие) и продолжены некоторыми из современных лириков.

Однако в настоящей публикации нам бы хотелось подробнее остановиться на том, как осмысливается понятие "разрыв-трава" при переводе лирических произведений на близкородственный восточнославянский языки. Основным объектом исследования в данном случае явились лирический циклиз трёх стихотворений, созданный на украинском языке классиком украинской литературы **Миколой Бажаном**, и перевод этого произведения на русский язык, выполненный Э. Г. Багрицким, известным русским и советским поэтом и переводчиком.

Лирический цикл украинского поэта М. Бажана под названием "Розмай-зілля" (отдельные стихотворения, входящие в цикл, названий не имеют) был написан в 1926 году; фрагмент из него (первая часть цикла) приводится далее:

РОЗМАЙ-ЗІЛЛЯ

Тривожна ніч весни, туману й трясовиці,
Мов моторошний **цвіт відьомський**, розквіта.
І струшено з небес на дно студне криниці
Тріпочеться зоря, як риба золота.

Долину сповнює дух м'яти і суниці,
І по рясній траві прослалась пишнота
Співучих закликів веснянки-гаївниці,
Її тужливих скарг на визрілі літа.

Де **розцвітає** в млі туманних уголовин,
Вогких пахнот, солодких соків повен,

Той перелесний цвіт, таємний цвіт тирлич, –

Хитнувши осиняг, причалив тихо човен.

Дівочий спів стає блажен і снажокровен

В передчутті нічних, очікуваних стріч (выделено мною. – И. З.) [2].

В переводе этого произведения на русский язык, который выполнен Э. Г. Багрицким в 1929 году, эта часть цикла (первое из трёх стихотворений) выглядит следующим образом:

РАЗРЫВ-ТРАВА

Пустая ночь земли, тумана, трясовицы,
Как колдовской цветок, раскрылась и цветёт,
И сброшена с небес в песок, на дно криницы:
Звезда, как рыба, плавниками бьёт.

Гнильём и плесенью пропитаны станицы –

И пышно по-над травами плывёт

Стенанье самки, что во сне томится,

Чьё целомудрие как скорби гнёт.

Где в сумерках пустынных котловин,

Набухший влагой, тяжестью кровин,

Цветок тирлич потайно расцветает.

Качнув камыш, причалил тихо чёлн,

И голос девы, тяжкой страсти полн,

Чутьём ночей звенит и улетает (выделено мною. – И. З.) [1, с. 400].

В обоих приведённых лирических текстах центральным, организующим лирическое пространство как семантически, так и композиционно, является образ волшебного растения, что подтверждается и вынесением в название стихотворного цикла номинаций "**Розмай-зілля**" (в оригинале на украинском языке) и "**Разрыв-трава**" (в переводе на русский язык). В мифопоэтической картине украинской лингвокультуры "розмай-зілля" означает "любовне зілля, символ забуття, безнадії, розлуки. Його шукали в день Зільника Зилоти"¹ [5 с. 442]. Очевидно, что замену данной номинации в названии переводимого лирического цикла не тождественным, а синонимичным словом ("разрыв-трава") в отчасти можно объяснить отсутствием в русском языке её полного аналога, хотя в период создания перевода Э. Багрицким произведения М. Бажана слово *зелье* (семантически тождественное второй части использованной украинским автором номинации – *зілля*) с некоторыми ограничениями (см. стилистические пометы) функционировало в русском языке в нескольких значениях, основным из которых было "ядовитый напиток, приготовленный из настоя на траве (книжн., обл.). *Приворотное зелье. Опить зельем*" [8].

Помимо этого, заслуживает внимания и тот факт, что в переводе Э. Багрицкий совсем не отказывается от ряда явных украинизмов (ср. : *криница* (рус. колодец), *по-над* (рус. над), используемых в том числе для создания интересующего нас образа: *Набухший влагой, тяжестью кровин, / Цветок тирлич потайно расцветает* (в оригинале: *розцвітає ... / Той перелесний цвіт, таємний цвіт тирлич*). Украинское слово *тирлич* (вариант *терлич*) в русском переводе сохраняет свой изначальный облик – отличия могут наблюдаться лишь на орфоэпическом уровне: являющиеся, в соответствии с нормами украинского произношения, твёрдыми звуки [т] и [л] в русском варианте произношения звучат мягко ([т'], [л']). В энциклопедическом словаре "Українська міфологія" символика обозначения *тирлич* трактуется следующим образом: "як і мак-видюк, відганяє від обійстя нечисту силу. Цю рослину нібито створив сам Бог, і тому її бояться чорти. Роста тільки в Києві перед Купалом на Лисій горі; у цю ніч туди літаються всі відьми, але добути терлич можуть лише ті, хто раніше добув плакун. ... Чарівниці виготовляють з нього сік, що привертає любов, змиває з обличчя зморшки тощо"² [5, с. 444]. В русском же языке данная номинация отсутствует.

Отмеченная особенность позволяет предположить, что Э. Г. Багрицкий, переводя украинский текст на русский язык, вовсе не стремился полностью устранить из своего перевода безэквивалентные лексические единицы украинского языка, а значит, замена в названии цикла *розмай-зілля* на *разрыв-трава* обусловлена, вероятно, стремлением переводчика актуализировать в поэтическом тексте некие символические смыслы. С нашей точки зрения, поэту-переводчику важно было в принципе акцентировать читательское внимание на чудесных свойствах растений, которые окружают человека, живущего в гармонии с природой: именно в этом случае он может в важные жизненные мо-

менты рассчитывать на волшебную силу этих трав, воспользоваться ею (в группу таких растений помимо номинаций *розмай-зілля* и *разрыв-трава*, входят также *цвіток тирлич* и *розмай*, о которых будет сказано далее).

Подтверждением высказанного предположения может, как представляется, служить тот факт, что в третьей части рассматриваемого лирического цикла – как в оригинальном, так и в переводном вариантах – мы наблюдаем функционирование ещё одной номинации, обозначающей волшебное растение: *розмай* (одно из народно-поэтических обозначений приворотного зелья в украинском языке: "**Розмай** ... нар. -поет. ... 2. Приворотне чарівне зілля"³ [4, с. 1250]):

Мов келих пінявий, проллялось через край
Ярких, жадливих снів солодке шумовиння.
Роздерла на собі своїх прикрас плетіння
І гостю зайшлому **докинула розмай** (выделено мною. – И. З.) [2].

При переводе этого стихотворения на русский Э. Г. Багрицкий также не отказывается от явного украинизма, не имеющего аналога в русском языке (*розмай*):

Как кубок пенистый, пролился через край
Густых и влажных слов тяжёлый запах винный,
Порвала на груди своих монист рубины
И гостю страшному **докинула розмай** ... (выделено мною. – И. З.)

[1, с. 401].

"Переключка" названия цикла с номинациями волшебных растений, функционирующими в двух из трёх стихотворениях цикла: *розмай-зілля* – *перелесний цвіт*, *цвіт тирлич* – *розмай* (оригинальный украиноязычный вариант) и *разрыв-трава* – *цвіток тирлич* – *розмай* (переводной русскоязычный вариант), – в обоих случаях существенно расширяет семантический план лирического цикла, причём как в содержательно-фактуальном, собственно текстовом, слое, так и в слое подтекстовом. При этом также значительно расширяется и углубляется ассоциативный слой произведения, чему в немалой степени способствует включённость всех "перекликающихся" номинаций в образные средства – тропы и стилистические фигуры. Так, в оригинальном тексте цикла находим развёрнутый индивидуально-авторский троп, синкретичный по своей сути (взаимодействующие в поэтическом контексте **эпитеты** и **метафоры**): *розцвітає в млі туманних уголовин, / возких пахнот, солодких соків повен, / той перелесний цвіт, тасмний цвіт тирлич*. Аналогичный троп – развёрнутый синкретичного характера (эпитеты и метафоры, взаимодействующие в условиях поэтического контекста), – также явно индивидуально-стилистического свойства, функционирует и в переводном варианте третьей части лирического цикла: *Где в сумерках пустынных котловин, / Набухший влагой, тяжестью кровин, / Цветок тирлич потайно расцветает*.

Сопоставление оригинального и переводного вариантов лирического произведения, где в качестве ключевых компонентов функционируют номи-

нации растений, наделённых в мифопоэтической картине восточных славян волшебными свойствами, позволяет в очередной раз убедиться в том, что при переводе художественного текста основной задачей переводчика является сохранение для адресата цельности того впечатления, которое заложено в факт словесного искусства автором. В связи с выполнением этой задачи вполне оправданным видится установка переводчика не стремиться сохранить все функционирующие в оригинальном тексте образы, а сосредоточиться на актуализации в переводе той символики, которая наиболее значима для автора в концептуально-эстетическом плане. Достижение этого результата путём привлечения не только общих с автором средств и способов отбора и организации языкового материала, но и несколько иных – при сохранении общей эстетической установки оригинального произведения – в большинстве случаев способствует формированию индивидуально-стилистического своеобразия переводного произведения.

Примечания

¹*В рус. переводе:* 'любовное зелье, символ забывтья, безнадёжности, разлуки. Его искали в день Зельника Зилоты'.

Зільник Зилота (рус. **Зельник Зилота**) в украинской мифологии – "володар цілющого зела, царства квітів і рослин. ... Він надає рослинам найбільшої зцілювальної сили, через яку очищає від скверни душу й тіло, дарує людині палке кохання, завзяту молодість і радість до праці; однако вимагає від людей чуйного ставлення та особливої уваги до всякого зіллячка" (рус. перевод: 'властитель целительного зела, царства цветов и растений... Он наделяет растения наибольшую целительную силу, через которую очищает от скверны душу и тело, дарит человеку пылкую любовь, задорную молодость и радость к труду; однако требует от людей чуткого отношения и особого внимания ко всякому снадобью') [5, с. 191].

²*Рус. перевод:* как и мак-видюк, отгоняет от подворья. Это растение будто бы создано самим Богом, поэтому его боятся черти. Растёт только в Киев, перед Купалой на Лысой горе: в эту ночь туда слетаются все ведьмы, но добыть тирлич могут только те, кто раньше добыл плакун. ... Волшебницы готовят из него сок, привлекающий любовь, смывающий с лица морщины и т. д.

³*Рус. перевод:* приворотное волшебное зелье.

Список использованных источников

1. **Багрицкий, Э. Г.** Стихотворения и поэмы / Вступ. статья Е. П. Любаревой; составление Е. П. Любаревой и С. А. Коваленко; подготовка текста и примечания С. А. Коваленко-Багрицкой. – Москва – Ленинград : Советский писатель, 1964. – 570 с. (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание). – Текст : непосредственный.

2. **Бажан, М.** Розмай-зілля : [сайт]. – URL:http://www.poetryclub.com.ua/metr_s_poem.php?poem=10971 (дата обращения: 04.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

3. **Белова, О. В.** Разрыв-трава / О. В. Белова. – Текст : непосредственный // Славянские древности : Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Том 4. – П (Переправа через воду) – С (Сито). – Москва : Международные отношения, 2009. – С. 394 – 395.

4. Великий тлумачний словник української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. – Київ; Ірпінь : ВТФ "Перун", 2005. – 1728с. – Текст: непосредственный.

5. **Войтович, В.** Українська міфологія / В. Войтович. – Київ : Либідь, 2002. – 664 с. – Текст : непосредственный.

6. **Зайцева, И. П.** Эстетическое осмысление этнолингвистического потенциала славянской мифологии в словесно-художественном творчестве / И. П. Зайцева. – Текст : непосредственный // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. – № 13 (152). – Липень. – 2008. – С. 94 – 103.

7. Персонажи славянской мифологии / сост. : А. А. Кононенко, С. А. Кононенко. – Киев : Фирма "Корсар", 1993. – 224 с. – Текст : непосредственный.

8. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : [сайт]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=19326> (дата обращения: 04.04.2021). – Режим доступа: свободный. – Текст : электронный.

9. **Усачёва, В. В.** Растения / В. В. Усачёва. – Текст : непосредственный // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. – Том 4. П (Переправа через воду) – С (Сито). – Москва : Международные отношения, 2009. – С. 406 – 412.

10. **Шуклин, В. В.** Русский мифологический словарь / В. В. Шуклин. – Екатеринбург : Уральское издательство, 2001. – 384 с. – Текст : непосредственный.